

УДК 165.19

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ И НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА:
СИМВОЛИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Кретов П.В.,

Черкасский национальный университет им. Б.Хмельницкого
(Украина)

Рассматривается корреляция между способами достижения в социогуманитарной сфере и сфере математизированного познания смысло-жизненного знания, формами его присутствия в научной картине мира человека. Акцентируется релевантность концепта символа и сферы символического для актуализации, генерации и фиксации мировоззренческого знания, а также связь указанной проблематики с поисками современной философской антропологии и философии сознания.

Nec Caesar supra grammaticos

(И Цезарь не выше грамматиков)

Светоний «De grammaticis», XXII

Комплексы вопросов, связанные с проблематикой антропологического знания и осмыслением различных концептуальных подходов к нему (например, относительно подходов – от формально-логического до семиотического или интуитивистского; относительно форм визуализации такого знания – от структурно-геометрических интерпретаций до процессуальных и символических), чрезвычайно актуальны в условиях такой социокультурной, цивилизационной, геополитической и в общем смысле смыслогенеративной динамики, которая наблюдается на современном этапе становления культуры и цивилизации. Экспоненциальное развитие технологического компонента человеческой жизни и существования человеческой цивилизации, кроме всего прочего, заново проблематизирует не только проблему видовой идентичности человека (от *homo faber* через *homo sapiens* до *homo futurus* - каким бы там он ни был – кибернетизированным, цифро-

вым [1] и др.), но и все, связанное с различными спецификациями понятия человека и его культуры. (Что, по Б. Андерсону, делает предикации субъекта культуры по, например, национальному признаку, «мнимой» [2], недостаточной, неполной. Эта модель интерпретации человеческого может быть экстраполирована и на другие смыслообразующие значимые признаки – гендерный, социокультурные, и т.д.) Что же тогда позволяет говорить о существенно человеческом знании, о природе человека, наконец, в эпоху «нового цифрового мира»? (Шмидт Эрик, Коэн Джаред «Новый цифровой мир»). Видимо, это проблемное поле современной философской антропологии. Речь идет о способах репрезентации упомянутой идентичности человека в когнитивных и ментальных структурах сознания продуцирующих так называемое мировоззренческое знание, которое в пределах картины мира обуславливает ценностные и мотивационные установки, поведенческие и коммуникативные модели.

В мировой философской традиции после некоторого распыления основных интенций парадигмы аналитической философии, стагнации проекта постмодернистской парадигмы в философии, актуализации исследований в области философии сознания, существует интенция переосмысления, (Перезагрузка? Вспомним известную констатирующую метафору П. Слотердайка о предвосхищении видения вновь расцветшего дерева философии. (Предисловие к «Критике цинического разума», (1981) Хотя времени минуло достаточно, но сама метафора и ее символы архетипичны без преувеличения. Письменную же традицию (литературную, нарративную) можно начинать от «Энума элиш», кельтской, скандинавской или индоевропейской мифологии и до современного киберпанка.) относительно положительных основ философского знания вообще и чрезвычайно остро – относительно в частности этики, аксиологии, философской антропологии, присутствует определенная лакуна, когда, с одной стороны, научно-технический прогресс который стремительно развивается, обуславливает

буквально наглядное изменение предметной реальности мира, как он дан человеку, требует ответов на мировоззренческие и смысложизненные философские вопросы в масштабе микрокосма. (По Г.С. Сковороде, или по С.Кьеркегору в мире отдельного мыслящего и воспринимающего, переживающего свою субъективность «я») а с другой стороны, обострение воздействия социально-экономических и геополитических инновационных дестабилизирующих факторов в мире требует не просто создания новой картины мира, но и картины мира открытой, способной к развитию, изменениям, свободной от «антифилософского снобизма», агностицизма и своеобразного техногенного фатализма, что проявляется прежде всего в феномене всеобщего абсолютизированного пользовательства («юзерства»), тесно связанного с феноменом потребления, но при этом такого, которое не предусматривает трансцендентального вопрошания человека о мире и самом себе. Поэтому, например, осмысление феномена виртуальной реальности, что связано прежде всего с технологиями 3-D-принтинга, augmented reality (google glasses), Internet of things, нанотехнологиями, облачными технологиями, концепцией цифровой личности, google glasses, энергосбережения и новых источников энергии, (развитием новых возможностей медицины, изменениями социокультурной сферы и т.п.,) уже разработанными корпорациями и такими, которые скоро станут общеупотребительными, привычными (одно из последствий гипотетической технологической сингулярности) и необратимо изменят человеческую цивилизацию, а соответственно и культуру, и самого человека, предусматривает новую интерпретацию этого концепта, как и горизонта смыслов философской антропологии в целом. Все вышесказанное обуславливает **актуальность** темы нашего исследования.

Целью статьи является проблематизация образования и трансляции, бытования смысложизненного знания в пределах корреляции математического обоснования знания и социокультурных оснований картины мира

человека, выяснение роли символа и символического в создании человеком жизненных смыслов, в контексте поисков современной философской антропологии.

Этой проблематикой в той или иной степени занимались М. Хайдеггер, М. Элиаде, Э. Кассирер, Л. Витгенштейн, К. Юнг, С. Пинкер, В. Бычков, В. Васильев, Д. Леонтьев, А. Лосев, М. Мамардашвили, М. Попович, С. Крымский, В. Табачковский, М. Фуко, Г. Щедровицкий, В. Ярошевец, Т. Лютый и др.

Здесь мы с необходимостью выходим на понятие символа, его типологии и модусы функционирования и репрезентации, поскольку речь идет о новых способах осмысления и представления специфической человеческой реальности. Реальности восприятия, речевых дескрипций, реальности когнитивных процессов. Очевидно, это вновь проблематизирует классические вопросы европейской рациональной философии, такие как психофизическая проблема или вопрос о модусах репрезентации субъекта, если предельно широко – о соотношении языка и реальности, денотативного и сигнификативного. (Отметим, что упомянутое включает в себя проблемное поле современной философии сознания. В частности, показательно, как актуализировалась давняя философема Ч. Пирса «фанерон», обозначающая у него все имеющееся содержание сознания (всё, что может быть помыслено и обозначено, включая ментальные состояния и акты, и даже аффекты) безотносительно к предметной (денотативной) действительности [3]).

Под *символом* мы, в традиции А.Ф. Лосева, понимаем некоторую мыслительную конструкцию, которая имеет субъективно-объективный характер, соединяет в себе моменты объективного отображения действительности и рационально-эмоциональной обработки этого отображения в познающем сознании личности. Как относящийся и к сфере предметности, и к сфере духа (по Гегелю) феномен, символ имеет мировоззренчески-

ценностную окраску и является прямым средством формирования культурного пространства. Особо подчеркнём колоссальное значение символических функций нашего сознания для когнитивной деятельности, создания культурных форм, «жизненного мира» (Э. Гуссерль), поскольку эмпирическая действительность и вся сфера когнитивного воспринимается нами как нечто целостное, не разлагаясь, не атомизируясь на отдельные вещи, явления, мыслительные процессы, когнитивные и психо-эмоциональные феномены, в большой степени благодаря тому, что вещи и признаки вещей указывают на другие вещи, другие признаки и, очевидно, сам акт различения вещей, их идентификации был бы невозможным, если бы эти вещи не имели признаков, которые не являются самой вещью, а лишь указывают на неё с разной степенью приближения. Таким образом, в определённом условном смысле почти все сферы человеческой деятельности и культуры в той или иной мере символичны. Таким образом, символ монолитизирует мир сознания человека, одновременно оставляя его открытым для новой информации, он трансфинитен и синестезиен, как единство когнитивного механизма и психосоматического, ментального акта переживания жизни (по Хайдеггеру – экзистенциала. Упомянем здесь и концепцию «чувствующего разума» Х. Сублири).

Современная эпоха в философии может быть без преувеличения охарактеризована как эпоха кризиса мировоззренческого знания. Существенными причинами этого явления можем считать, с одной стороны, трансформации массового сознания, связанные, например, с деидеологизацией или, точнее, атомизацией, распылением идеологической компоненты мировоззрения на постсоветском пространстве, общемировые тенденции цивилизационного развития (изменение геополитических векторов, изменения в мировой экономике и социокультурной сфере, кризис общегуманитарного знания), с другой – некоторый эскапизм философии перед глобальными вызовами *Zeitgeist*, обусловленный фобиями перед новыми он-

тологией, метафизикой, более или менее характерными для традиционной науки, опирающейся на концепцию физикализма (вкупе с редукционистской установкой), и, соответственно, философии науки. Вспомним также и специфическое «послевкусие» (если будет позволено использовать подобную метафорическую конструкцию) проекта философии постмодернизма, характеризующегося либо прямым, либо имплицитным отрицанием самой возможности получения знания о мире и о себе иначе, чем путём негации (в онтологическом смысле), сомнения в основаниях трансцендентального вопрошания (И. Кант) о мире. (Археология Фуко, деконструкция Ж. Деррида, симулякры Ж. Бодрийяра и т.д.). Возможно, в этой парадигме всевозможные интерпретации предмета мысли или описываемого языком лишь маскируют недостаточность понимания или хотя бы принятия в качестве рабочей гипотезы принципов существования и присутствия как познаваемой реальности, так и человека как ее части с присущими ему когнитивным и инструментальным (отнесём сюда психосоматическую сферу и сферу приборов как инструментов, что, в общем, предполагается принципом антропности) аппаратом познания.

Поиски физиками-теоретиками принципов, по которым функционирует универсум (С. Вайнберг), при всей их укоренённости в мифе, религии (что, в общем, может быть отнесено к платоновской традиции постулирования существования мира интеллигибельных сущностей) и философии всегда предполагали или даже упирались в необходимость математического обоснования наблюдаемых и описываемых феноменов, что только и позволяло избежать стохастичности как признака ничем не упорядоченного хаоса. То есть математическая база как доказательная, внутренне непротиворечивая и верифицированная (что касается уже теории пропозиций) непосредственно становилась основой научной картины мира, создавая мыслимую символическую структуру пространственно-временного континуума, тогда как логика создавала такую структуру для языка, в ко-

тором и на котором этот мир описывался. Вспомним в этом контексте, что этимологически греческая лексема θεωρία – теория может означать, помимо всего прочего, и «Божье видение», иметь дополнительное мистериальное значение, т.е. означать восприятие, познание и понимание, не ограниченные опытом, кантовскими априорными формами – целостное, панорамное (при этом симптоматично, что такое понимание концепта вполне укладывается в голографическую метафору реальности в современной физике (Д. Бом)). Математика всегда структурировала физику, но лишь до определённых пределов, границ, за которыми в сфере теоретической физики начиналась и начинается борьба гипотез, существующих в виде метафор, причём чем более они сумасшедшие, тем они эвристичнее (Н. Бор). Очевидно, что физик-теоретик в этом смысле мало чем отличается от метафизика, поскольку создание метатеории, которая может оформить и направить развитие научного знания, предполагает опору на сферу личностного знания (М. Полани), на гипотетику, связанную с предметной реальностью, необязательно, вплоть до полного разрыва (но не реальностью сознания!). Собственно, и математика, по большому счету, напрямую не связана с тем, что называется объективной действительностью. Поэтому создать математическую модель так же, как и кибернетическую, можно безотносительно к фундаментальным законам нашего пространственно-временного континуума. Тем более это касается таких познаваемых объектов, как метagalactica, большой аттрактор в астрофизике и вообще всех теорий, которые претендуют на холистичность, теорий происхождения и существования универсума – от теории большого взрыва до М-теории или квантовой теории множественности миров. То есть человек явно выходит за пределы собственного опыта, в наличии парадоксальный интеллигентный (а не экстатический, мистический, как в религиозно-философской традиции от Плотина до Кароля Войтылы) транцензус. Возможно, феноменологический подход не в состоянии преодолеть границы картезианской

модели рациональности, так же как берклианского *esse – esse percipi* и интенциональность сознания, как и структурирование содержания сознания «ноэзис – ноэма» не решают проблему реальности. Положение дел усугубляется ещё и тупиком в познании, описываемым Л. Витгенштейном с помощью известной метафоры о мухе в бутылке – язык науки несовершенен не только на уровне описания и трансляции, но и на уровне собственно корреляции с реальностью. К примеру, зададимся вопросом, что же мог иметь в виду Ю. Вигнер в своей классической статье [4] под «непостижимой эффективностью математики» в естественных науках? Предположим, что указание на естественные науки должно чётко ограничить сферу применения математических методов сферой природы, которая понимается как объективная реальность, имеющая внутреннюю организацию и структуру, симметрию и асимметрию, законы и закономерности, требующие описания и формализации. Очевидно, что если так, то сфера религиозного опыта, экзистенциальных и феноменологических переживаний, сфера этического, аксиологического, в целом – мировоззренческого знания элиминируется. Вопрос с онтологическим знанием сложнее. Во-первых, его невозможно избежать, иначе картину мира невозможно построить и любое знание будет иметь принципиально фрагментарный, дискретный характер, во-вторых, решить его придется до того предела, за которым будет возможно применить математические методы, на уровне аксиоматики. Здесь математика и онтология пересекаются в области языка. Не затрагивая подробно объемной традиции философии языка после лингвистического поворота 20-го века, заметим только, что теоремы Геделя, корректно экстраполированные на философскую проблематику, и концепции позднего Л. Витгенштейна дают возможность по-новому проблематизировать познание как создание системы открытого знания, динамику речевой деятельности человека как смыслогенеративной (концепция языковых игр Л. Витгенштейна), что позволяет по-новому подойти и к психофизической проблеме

(примером чего является современная философия сознания (Р. Пенроуз, Х. Патнэм, Д. Серл, Д. Чалмерс, Д.И. Дубровский, В.В. Васильев С.Г. Сычёва)). Уточняя вышесказанное, можно предположить, что философема символа может служить связующим звеном между мировоззренческим знанием и научной картиной мира. Развёртывание символа в пространстве языка и культуры как модели смыслообразования как раз и позволяет говорить об онтологизации математики и математизирования (формализованного), насколько это возможно, знания. (Вспомним, например, апелляции к математике и онтологии в интерпретации символа о. П. Флоренским [5] или «ментальную онтологию» (С. Крымский [6]) символа, которая позволяет этой конструкции сочетать внеположные сферы знания – смысложизненную и естественнонаучную.

Вернёмся к предикации эффективности в математике как «непостижимой» в названии статьи Вигнера. Что значит быть непостижимым по отношению к математическим методам описания и постулирования реальности и математической (структурной) картине мира в целом? Означает ли это, что эффективность, т.е. значимость, практическая результативность, прагматическая обусловленность такого знания выходит за пределы внутренне свойственных математике средств описания, заставляет апеллировать к смыслам, укоренённым в сфере эстетического (красота математических теорий, изящество алгоритмов решения математических задач и т.п.), аксиологического, который определяется пониманием человеком собственной идентичности как существа, познаёт и чувствует, переживает, вообще говоря – апеллировать к трансцендентальному. Предикат «непостижимости» знания коннотативно может указывать как на восторг, восхищение, так и на ужас (вспомним ужас бесконечных пространств в рецепции далеко не последнего математика своего времени Паскаля), но вне горизонта оценивания главным представляется значение трансфинитности, трансцендирования (в первоначальном значении латинского глагола

transcendere – выходить за пределы), разрыва очерченного круга знания, картины мира. Уместно будет вспомнить здесь одну из интерпретаций философского значения двух теорем Геделя. «Застывшая система основных принципов – отличительная черта любой математической теории. Математическая модель любого явления природы или технического устройства – это непременно застывшая модель, сближению которой с оригиналом положен предел. Только такую модель может исследовать математик. Всякая попытка уточнить модель (видоизменить её определения с целью ещё больше приблизить к оригиналу) приводит к новой модели, которая снова должна «застыть», чтобы ею мог заниматься математик. / ... / Застывший характер математических моделей и теорий составляет как силу, так и слабость математики. Извлечь максимум информации из минимума посылок – это умение математиков многократно доказало свою эффективность в науке и технике. Однако обратной стороной такой силы является слабость: никакая конкретная застывшая модель (теория) не в состоянии решить все проблемы, возникающие в науке (или даже только в математике). Этот диалектический тезис блестяще подтвердился в знаменитой теореме Геделя о неполноте», – пишет современный исследователь Е.Н. Подниекс [7]. То есть, математическая методология требует закрытой системы знания, а с другой стороны, такое знание самым существованием своих границ указывает на свою недостаточность в философско-антропологическом смысле. Действительно, если довести до конца упомянутое К.М. Подниексом лемовское сравнение математика с сумасшедшим портным, который непрерывно кроит различную одежду и иногда случайно может создать и что-то пригодное для ношения человеком, то всё опять упирается в сущностно человеческое измерение смысла (Д. Леонтьев) науки и научной картины мира. Известно, что А. Эйнштейн всю жизнь стремился создать единую теорию поля. Попытки более-менее непротиворечиво совместить специальную теорию относительности и квантовую механику успехом не

увенчались. Но, возможно, это стремление в своей парадоксальности (сугубо человеческой), стремление к завершению сооружения прекрасного замка научного знания как раз указывает на его антропологическое измерение. И когда ещё один нобелевский лауреат-физик (кроме Юджина Вигнера) Стивен Вайнберг говорит, вспоминая «эффективность математики», о неэффективности философии [8], он, без сомнения, имеет в виду не философию науки, как и не онтологию и теорию познания, и даже не «квазифилософскую» болтовню, непригодную к решению научных задач, а (по логике суждения) разрыв, дистанцию между уже имеющимся научным знанием, которое должно быть интегрировано в научную (и мировоззренческую) картину мира, и знанием новым, которое рождается в процессе научного поиска, обусловленного метатеоретическим (на уровне личностного, по М. Полани, знания, и на уровне вербализации) уровнем познания. Он философствует, но при этом таксономически концепт философии стремится элиминировать из тезауруса как скомпрометированный метафизической традицией. Возможно, можно говорить о некотором «академическом снобизме» по отношению к философии со стороны исследователей в области прикладных исследований и теоретиков в области фундаментальных наук, связанном не в последнюю очередь с некорректными экстраполяциями достижений, например, математики в гуманитарных науках.

В таком контексте сопоставления рецепции и репрезентации знания в социогуманитарной и математизированной сферах познания иллюстративной выступает, например, постмодернистская концепция складки (в традиции Фуко-Делёза), когда «внутренний», субъективный смысл помысленного и сказанного формируется через сворачивание «внешнего» смысла в динамическом пространстве субъективности через кросс-каталитическое (Ж.Делез) взаимодействие с хаосом первоначального внешнего опыта). Если упомянутую концепцию складки интерпретировать как метафору или символическую конструкцию (простую языковую или

художественную, в смысле приобщения к эстетическому и творческому функционалу и сущности языка), то непосредственно имеем дело с попыткой через сконструированные в воображении, геометрически пространственные (по Делёзу – невольно вспоминается ироничная строка Б. Гребенщикова: «Геометрия лома в хрустальных пространствах») структуры зафиксировать изменяющуюся сущность (в толковании Э. Гуссерля как пространство существования смысла) мыслимого мира, то есть остановить неостановимое, языком образов, а не слов сказать несказанное, остановить мгновение. Вспомним, кстати, знаменитый афоризм Л. Витгенштейна, финальный в «Трактате»: «О чём нельзя говорить – о том следует молчать» [9] – но показывать (остенсивные определения), апеллировать к пространственно-временному, визуализированному реально или мысленно образу, который функционирует как символическая конструкция, можно? Видим, как онтологическая, эстетическая, антропологическая проблематики пересекаются в точке символического порождения смысла, всё равно, существовал он априорно или нет.

Обратимся теперь к уже упоминавшейся проблематике репрезентации знания в языке и сознании, которая в контексте нашей темы может быть сведена к вопросу о символических модусах смысложизненного, мировоззренческого знания.

Очевидно, что визуализация тесно связана с символизацией и визуальное пребывание и генерирование смысла в определённой степени указывает на гипотетическую синестезийность когнитивного и эмпирического, а также эмоционально-личностного компонентов в постижении смысла. Апелляция к символу является не единственным способом инициализации генерации смысла (символ здесь может интерпретироваться как своеобразный «портал» в довербальный хаос смыслов (довербальный архив, по Фуко, архетипическое знание, по К. Юнгу, поведенческий импринт, по Т. Лири, и языковую игру, по Л. Витгенштейну), символ приоткрывает пол-

ноту единого, или – ничто). Дискурс, который формируется таким образом, предельно приближается к сфере художественного текста, позволяя интегрировать научное знание в общую картину мира через метафоры и символизации, выступающие как инвариант метода аналогии. Возникает целостный нарратив. В принципе, длинный ряд простых языковых, а также казуальных метафор в философском, религиозном, научном, не говоря об эстетическом, описании, восприятии и переживании действительности, знании (от платоновской пещеры или бабочки Чжуан-цзы до китайской комнаты Дж. Серла и мухи в бутылке Л. Витгенштейна) является попыткой элиминировать этап дескриптивного объяснения, сразу достигнув этапа понимания. Причём это касается как фундаментального, так и гуманитарного знания – метафор в современной квантовой теории и М-теории никак не меньше, чем в философии сознания или в различных инвариантах когнитивной науки, причём они обычно осознанно используются как методологический инструмент – не формулами-то ведь единственными. Опять же, опираясь на метафору, это попытка свести герменевтический круг Гадамера к точке минимума Кузанского. Поскольку любой предикат относительно объекта мысли выступает как латентная дескрипция и, таким образом, благодаря логическому союзу указывает на его экзистенциальный статус (в формально-логической традиции Фреге-Рассела как маркер и оператор существования), то парадоксы в познании неизбежны, поскольку существование определяемого может фиксироваться через присутствие признака фиксирующегося определяющим (*dfd* и *dfn* взаимозависимы, классический круг в доказательстве). Даже апеллируя к философскому значению или интерпретациям такого значения теорем Геделя о неполноте (поскольку они касаются формальных оснований арифметики, а не обязательно любой системы знаний, не говоря уж о знании мировоззренческом, относительно которого метод формализации недостаточен), ясно, что объяснить значение понятий сущности, существования лишь средствами язы-

ка, дескрипций любого уровня сложности вряд ли возможно. Вероятно, именно поэтому среди предшественников Витгенштейна, кроме Фреге и Рассела, также и Brentano со своей психологической установкой. Сейчас современная философия сознания пытается эвристически совместить феноменологический подход с аналитической методологией. Иллюстративно, что в современной массовой культуре, и в частности в таком ее сегменте, как интернет-среда, аналитики отмечают мощную тенденцию к визуализации способов существования и трансляции информации в сети [10]. Это проявляется прежде всего в уменьшении доли текстовой подачи в информационном потоке в пользу визуальной части. Речь идёт, следовательно, о докогнитивной укоренённости подобной информации в восприятии и осмыслении её человеком, о том, что не рационализация и осмысление предшествуют действию, мотивации и выбору модели поведения, а наоборот. Выводы из этого можно сделать в очень широком диапазоне. Но первое, что приходит в голову, это очевидный манипулятивный характер таким образом обработанной и структурированной информации. Забавно, но если так, то эра загадочного, пресловутого НЛП давно позади, актуально для сферы медиа и сетевой коммуникации время – нейроинфографического программирования (НИП?). И не надо быть сторонником конспирологии, чтобы засвидетельствовать, что такая проблематизация визуального, «наглядности» культивирует дискретность, фрагментарность восприятия целостности культуры её носителями (невольно вспоминается древнеиндийская притча о слоне и слепцах), наглядно демонстрирует отход от ориентации на целостность картины мира, на структурированность смысло-жизненного знания. Иначе говоря, такая вот аспектная реализация визуального контента в информационных потоках, может, и удобна, бесспорно, рентабельна, но критически увеличивает количество энтропии, в терминах теории информации – белого шума. Вспомним известную метафору прозрачной плёнки у Беркли. Философ говорит: если мир существует в мыш-

лении Бога, то человеческим мышлением факт существования невосприимчивого не оспаривается, и человек может себе чётко представлять мир как целое, созерцая его через прозрачную плёнку (чувственная данность), преодолевая границы восприятия. Но как только он фокусирует внимание на одной из вещей упомянутого мира, на её отдельности и её существовании (и в мышлении, и в восприятии), плёнка перестаёт быть прозрачной и человек оказывается, почти как Иов на навозной куче, в пустыне солипсизма. То есть, мир как целое (знаменитое кантовское звёздное небо над головой) подобная визуализация культурных значений не поддерживает, а значит, не несёт смысла (уточним – смысложизненного знания). Заметим, что такое *status quo* вполне соответствует парадигме функционирования культуры, как последняя представлена в философии постмодерна – коды автономны по отношению к референтам, скорость обработки данных превалирует над смысловыми приоритетами, симулякры продуцируют новые симулякры, реагирование приоритетно относительно обдумывания, и в результате – циркуляция значений в замкнутых структурах без порождения нового смысла, ещё одно проявление дегуманизации культуры или, возможно, культуры эпохи трансгуманизма.

В заключение еще раз акцентируем внимание на том, что проблема визуализации должна быть рассмотрена вместе с осмыслением концепта символа, его познавательного потенциала. Поскольку и в сфере гуманитарного знания, и в сфере фундаментального – точного (что демонстрирует развитие, с одной стороны, философии сознания, генеративного и когнитивного инвариантов лингвистики, с другой – математического аппарата теории и фундаментальной теоретической физики, основанной на этом аппарате (например, теория суперструн, в её наиболее актуальном варианте – М-теория Э. Виттена, или, к примеру, даже скептически воспринятая научным сообществом квантовая теория множественности миров Х. Эверетта, ставшая отправной точкой для приращения нового знания ([11])),

поиск оснований смысложизненного, мировоззренческого знания в новом тысячелетии перестал быть интуитивно достаточным, изначально понятным, целеобусловленным, но не вербализованным (в лучшем случае – интериоризированным в собственном личностном опыте). Развитие технологий лишает смысла традиционный сциентизм, демонстрируя иррациональную аксиоматику (вспомним хотя бы, как радикально изменились в 20 веке интерпретации и коннотации концепции прогресса – научно-технического, экономического и социокультурного – в их сложной корреляции)). Вряд ли современный человек может позволить себе квазиакадемический, техногенный и технологический снобизм по отношению к смыслообразующей символике философского знания. Недостаточно назвать, например, время всего лишь психической конструкцией, фиксируемой лексемой в языке для того, чтобы не только исчерпать, но даже подступиться к глубинным смыслам его субъективного переживания и осмысления. Пертурбации концептов времени, пространства, реальности в современной физике, философии это ярко демонстрируют. Поэтому развитие проблематики философской антропологии, проблематизация концепта символа могут быть эвристическими. Так или иначе, всё это относится к вопросу о характере реальности. То есть, есть ложка или ее нет?

Литература

1. Cohen J., Schmidt E. The New Digital Age: Reshaping the Future of People, Nations and Business / Электронный ресурс. Реж. доступа: <http://www.siliconrus.com/2013/02/myisli-erika-shmidta-pro-budushhee-interneta-iz-ego-knigi-the-new-digital-age>.
2. Андерсон Б. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму. – К.: Критика, 2001. – 272 с.
3. Кирющенко В. В. Язык и знак в прагматизме. – СПб.: Издательство ЕУСПб, 2008. – 200 с.

4. Вигнер Ю. Непостижимая эффективность математики в естественных науках / Этюды о симметрии. – М.: Изд-во «Мир», 1971. – 319 с. – С. 182-199.

5. Флоренский П.А. Иконостас. – М.: АСТ, 2001; Флоренский П.А. О символах бесконечности. Понятие церкви в Священном писании / Собр.соч.: В 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т.1.

6. Кримський Сергій Борисович. Під сигнатурою Софії. – К.: Видавничий дім КМА, 2008. – 367 с.

7. Подниекс К.М. Вокруг теоремы Геделя. – Рига: Зинатне, 1992. – 191 с.

8. Вайнберг Стивен. Мечты об окончательной теории: Физика в поисках самых фундаментальных законов природы. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

9. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. Добронравова и Лахути Д.; Общ. ред. и предисл. Асмуса В. Ф. – М.: Наука, 1958 (2009). – 133 с.

10. «Нынешнему формату Lurkmore я даю два с половиной года». Интервью с со-основателем и владельцем Lurkmore.ru Дмитрием Хомаком // Электронный ресурс. Реж.доступу: http://seopult.tv/programs/moneymaking/lurkmore_karta_vysot/text.

12. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 272 с.

10. «Нынешнее формата Lurkmore я даю два с половиной года». Интервью с со-основателем и владельцем Lurkmore.ru Дмитрием Хомаком // Электронный ресурс. Реж. доступа: http://seopult.tv/programs/moneymaking/lurkmore_karta_vysot/text.

11. Множественность миров Хью Эверетта // Электронный ресурс. Реж. доступа: <http://www.modcos.com/articles.php?id=76>.

12. Пинкер С. Субстанция мышления: язык как окно в человеческую природу / Пер. с англ. – М.: URSS, 2013. - 560 с.; Бейкер М. Атомы языка. Грамматика в темном поле сознания / Пер. с англ. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 272 с.

13. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс – Традиция, 2009. – 272 с.

14. Сычёва С.Г. Мартин Хайдеггер о вещи, символе и мышлении // Вестник Томского государственного университета, №297 (апрель) – Томск, 2007. – С. 84-92.

P.V. Kretov